

В. Дашичев

НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ: УРОКИ ПРЕДВОЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

70 лет тому назад началась Вторая мировая война, самая ужасная в истории человечества, унесшая десятки миллионов жизней, причинившая громадный материальный ущерб народам мира, ожесточившая своей бесчеловечностью несколько поколений людей. Послевоенные годы тоже не отличались особым спокойствием, заставляя мир не раз настораживаться в предчувствии беды. Достаточно вспомнить потрясения, связанные с блокадой Берлинской стены в 1948 г., Карибский кризис 1962 г., недавние события в Югославии, Афганистане, Ираке. Все эти, по сути, цивилизационные катастрофы имели свои причины и особенности развития. Есть у них и общие черты, выявить которые обязан объективный научный анализ, свободный от идеологических извращений и политизации. Очень важно извлечь из печального опыта истории правильные выводы, понять механику возникновения войн, чтобы не допустить новых человеческих трагедий.

У истоков военно-стратегических планов Третьего рейха

Как показывает исторический опыт, политика империалистического гегемонизма и связанные с ней мессианизм, «идеологическое озверение» – основная причина возникновения предвоенных политических кризисов, приведших к мировым войнам. Это наглядно иллюстрирует курс гитлеровского руководства, поставившего целью установление господства нацистской Германии в Европе, а после разгрома Советского Союза – во всем мире. Свидетельство тому – директива Гитлера № 32 от 11 июня 1941 г., «Подготовка к периоду после осуществления плана “Барбаросса”»¹.

Вячеслав Иванович Дашичев – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН (г. Москва).

¹ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе. 1933–1945. Исторические очерки, документы и материалы. Москва. Издательство «Наука» 2005 г. Т. 3. С. 158.

Достижение этой цели было возможно только военным путем. Вот почему в международной обстановке конца 30-х годов центральная задача нацистского руководства состояла в том, чтобы обеспечить стратегические условия для поочередного сокрушения в молниеносных военных кампаниях главных европейских держав и избежать одновременной затяжной борьбы на два фронта. Такая задача обуславливалась своеобразием стратегического положения Германии в центре европейского континента между Францией и Англией на Западе и Россией на Востоке. Поочередный разгром или вывод из строя этих великих держав рассматривался как решающая предпосылка для дальнейшей – после установления гегемонии в Европе – борьбы Германии за мировое господство.

Решению данной задачи были, в сущности, подчинены дипломатия Германии, строительство и использование ее вооруженных сил, подготовка театров военных действий на европейском континенте и особенности борьбы на них. Изучение данной проблемы выявляет несостоятельность распространенного некоторыми историками ФРГ тезиса, будто гитлеровское командование к сентябрю 1939 г. не имело «общего плана войны» («Gesamtkriegsplan»). Напротив, был выработан общий сценарий войны, и, что интересно, он имел одинаковые черты со стратегическим и политическим планированием кайзеровской Германии. Более того, в обоих крупнейших международных конфликтах XX в. военно-политическое руководство Германии решало одни и те же стратегические проблемы ведения войны.

Вот они. Во-первых, возможно ли осуществить последовательный разгром Франции, Англии и России (СССР), превосходивших Германию по совокупной мощи вооруженных сил и экономического потенциала? Во-вторых, как наилучшим образом обеспечить политические, экономические и стратегические условия ведения войны? В-третьих, в каком направлении наносить первый удар – на Западе или на Востоке? В-четвертых, каковы наиболее перспективные способы сокрушения основных противников Германии в Европе?

Стратегический план, с которым Германия вступила в Первую мировую войну, заключался в следующем:

- сосредоточение на Западном фронте подавляющей части сил при дислокации минимальной численности войск, необходимой для ведения активной обороны против русской армии. Силы Западного фронта составляли 8/9 всей германской сухопутной армии;
- разгром Франции с помощью гигантского стратегического охвата и нанесения главного удара в направлении Парижа сильным правым крылом Западного фронта на наименее прикрытом противником участке, через нейтральные Бельгию и Люксембург. После захвата французской столицы предполагалось повернуть ударную группировку войск на Восток с целью окружения и окончательного уничтожения войск Франции, прижатых с запада к германским границам и Швейцарии;

- небывалое сосредоточение сил в направлении главного удара, особенно в 35-километровой полосе прорыва между голландской границей и Мальмеди, где была дислоцирована почти половина всех войск, развернутых против Франции (при общем равном соотношении сил сторон на Западном фронте). Возлагая все надежды на сокрушающую мощь первоначального удара, германский генштаб оставил Западный фронт фактически без стратегических резервов;
- наступление против Франции по принципу стремительного продвижения, так, чтобы не дать времени застигнутому врасплох противнику для организации обороны на новых рубежах.

Изменение европейского баланса сил в 30-е годы

Этот план войны не учитывал целого ряда важнейших политических, военных и экономических факторов, исходил из ложных предпосылок, а потому был глубоко авантюристическим и, в конечном счете, потерпел полное фиаско². Тем не менее именно на него как две капли воды был похож план, разработанный в нацистской Германии. Конечно, международные условия для реализации последнего существенно изменились. Важнейшим фактором, повлиявшим на стратегическую ситуацию и расстановку сил в Европе, послужил переход России с капиталистического на социалистический путь развития. Естественный союзник Франции и Англии в борьбе против Германии был поставлен под вопрос. Общности интересов, на которой основывалась Антанта, больше не существовало.

К сложному переплетению противоречий мировых держав прибавился антагонизм двух общественных систем – социализма и капитализма – радикально менявший характер взаимоотношений в лагере потенциальных противников Германии. С одной стороны, он определялся классовыми противоречиями между Советским Союзом и западными державами, а с другой – необходимостью борьбы с новой германской агрессией, представлявшей угрозу для всех. Политику Англии и Франции по отношению к Советскому Союзу в этой связи характеризовали две тенденции: во-первых, резко выраженная антикоммунистическая и антисоветская направленность; во-вторых, стремление использовать Советский Союз для противодействия планам германской агрессии, угрожавшим жизненным интересам Франции и Англии. Первая тенденция до определенного времени носила более устойчивый и сильный характер³.

² Об этом подробнее см.: *Дашичев В.* Проблема борьбы на два фронта в стратегии германского милитаризма // *Германский империализм и милитаризм.* М., «Наука», 1965.

³ Имея в виду эту двойственность в политике западных держав, в первую очередь Франции, Дж. Кейнс очень образно писал: «То же самое противоречие целей явственно выступает в позиции, занятой Советом союзников в Париже по отношению к нынешнему германскому правительству. Победа спартакизма в Германии явилась бы прелюди-

Это, как ничто иное, вселяло в немецких политиков надежды на возможность добиться того, что им не удавалось за многие десятилетия до 1914 г., – расстроить образование антигерманской коалиции и тем самым избежать необходимости одновременной борьбы на два фронта. Резкое обострение межимпериалистических противоречий, порожденное версальско-вашингтонской системой, также создавало благоприятную почву для подготовки нацистской Германии к реваншу. Немаловажную роль сыграли в этом и разногласия между державами-победительницами.

Изменившаяся международная обстановка побудила Францию искать обеспечения своих интересов против германского соперника на новой основе. Этой цели они рассчитывали добиться, ослабив Германию путем отторжения от нее или, по меньшей мере, демилитаризации Рейнской области, ограничения ее вооружений, выкачивания контрибуций, а также создания системы союзов со странами Центральной и Юго-Восточной Европы (малой Антанты). Немалые надежды в связи с этим возлагались на линию Мажино, строительство которой началось в 1930 г.

Правящие круги Франции пытались также обеспечить свои интересы в Европе путем заключения гарантийного пакта с США и Англией. Однако этот путь оказался нереальным. Он не был ратифицирован сенатом США, придерживавшимся принципов, изложенных в законе о нейтралитете 1935 г. Англия, верная старой концепции поддержания равновесия сил в Европе, не желая допустить французской гегемонии, постепенно вернулась к традиционной политике и начала поддерживать Германию, чтобы создать противовес Франции, а также Советскому Союзу.

Рост военной угрозы со стороны Германии с приходом к власти Гитлера заставил наиболее дальновидных представителей правящих кругов Франции, таких, как Л. Барту и Э. Эррио, вновь обратиться к идее традиционного союза с Россией (СССР). Он был заключен в мае 1935 г. Договор мог бы послужить надежной основой коллективной безопасности в Европе, если его основные положения не были бы перечеркнуты последующей «мюнхенской политикой» Франции и Англии. Здравые

ей к революции повсюду; она увеличила бы силы большевизма в России и ускорила бы ее страшный союз с Германией; она, несомненно, положила бы конец всем ожиданиям, построенным на финансовых и экономических статьях мирного договора. Вот почему Париж не любит спартакизм. Но, с другой стороны, победа реакции в Германии, по общему мнению, явилась бы угрозой спокойствию Европы и подвергла бы опасности все плоды победы союзников и основы мира. Кроме того, новая военная сила, утвердившаяся на Востоке, имея свой духовный центр в Бранденбурге и привлекая к себе все военные таланты и всех воинственных искателей приключений, всех тех, кто с любовью вспоминает об императорах и ненавидит демократию, сила, охватывающая Восточную, Центральную и Юго-Восточную Европу, географически недоступная для военного проникновения союзников, могла бы создать, как по крайней мере представляется воображению робких умов, новое владычество наполеоновского стиля, подобно фениксу возродившееся из пепла мирового милитаризма. Вот почему Париж не любит Бранденбург» (*Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского мирного договора. М., 1924. С. 132*).

интересы национальной безопасности уступили место безрассудной идее «канализировать» агрессию нацистской Германии в восточном направлении, втравить ее в военный конфликт с Советским Союзом, заставить обе державы обескровить друг друга, чтобы затем продиктовать им свои условия. Этот внешнеполитический курс исходил из совершенно неверной оценки действительных стратегических планов гитлеровского руководства и открывал перед ним такие возможности избежать войны на два фронта, о которых ранее кайзеровские генералы не смели даже мечтать.

Разработка гитлеровским руководством концепции войны

Накануне первой мировой войны Германия и Австро-Венгрия, занимая срединное положение в системе европейских государств и непосредственно гранича с Россией и Францией, могли беспрепятственно развернуть вооруженные силы вблизи их границ в соответствии со стратегическим планом и в нужный момент открыть боевые действия.

Образование после войны в Центральной и Восточной Европе ряда малых и средних государств (Польша, Чехословакия, Австрия, Венгрия, страны Балтии), отделивших Германию от Советского Союза, усложнило нацистскому руководству подготовку к борьбе за европейскую гегемонию. Ведь требовалось обеспечить выгодные стратегические позиции путем устранения или подчинения «буферных» стран. На первом этапе достижение этой цели было особенно важно для Германии. Оно послужило преддверием к борьбе против основных противников на европейском континенте и нашло отражение во внешнеполитическом и военно-стратегическом планировании германским руководством в 1935–1939 гг. – операция по захвату Австрии (план «Отто»), Чехословакии (план «Грюн»), Польши (план «Вейсс»).

Важнейшая внешнеполитическая задача Германии состояла в предотвращении возникновения новой коалиции великих держав против нее. Ловко играя на антисоветских устремлениях Англии и Франции, она упорно продвигалась к этой цели. «Официально в качестве врага будет названа Россия, но на самом деле все действия будут направлены против Франции и Англии. Выступление одновременно против Англии, Франции и России было ошибкой, которая не должна повториться», – раскрывал стратегию Германии Риббентроп⁴.

Во внешнеполитической пропаганде особо подчеркивалось значение борьбы против большевизма. Так обеспечивалась подготовка мюнхенского соглашения между Гитлером, Чемберленом и Даладье. Сделка воспринималась И. Сталиным как стремление западных буржуазных демократий канализировать германскую экспансию в восточном направлении против СССР. Для Сталина, по натуре подозрительного и мстительно-

⁴ Цит. по: *Weizsäcker E. Erinnerungen. München. 1950. S. 154.*

го, к тому же находившегося в идеологическом плену классовой борьбы, это послужило веским основанием для заключения аналогичной сделки с Гитлером против Франции и Англии. Мюнхен безусловно сыграл роковую роль в скатывании Европы ко Второй мировой войне.

Не менее важной задачей германской дипломатии стало заблаговременное создание коалиции, которая должна была облегчить борьбу против главных противников Третьего рейха на европейском континенте. Ее усилия увенчались оформлением в октябре 1936 г. «оси» Рим – Берлин, а месяц спустя – Антикоминтерновского пакта Германии и Японии, к которому в ноябре 1937 г. присоединилась Италия. Он давал Германии возможность под флагом антикоммунизма обеспечить выгодные исходные позиции для войны не только с Советским Союзом, но и с Англией, Францией и США. «Цель сотрудничества, установленного пактом трех (Антикоминтерновским. – *Авт.*) – говорилось в директиве Гитлера № 24, – должна заключаться в том, чтобы как можно быстрее побудить Японию к активным действиям на Дальнем Востоке. Благодаря этому будут скованы крупные английские силы, а основное внимание Соединенных Штатов Америки привлечено к Тихому океану»⁵. Большие надежды гитлеровское руководство возлагало и на взаимодействие германских и японских вооруженных сил в борьбе против СССР.

Особое значение придавалось обеспечению политических и стратегических позиций на Пиренейском полуострове для окружения Франции и подрыва английских коммуникаций на Средиземном море. В этом заключалась одна из главных задач интервенции германских и итальянских войск в Испанию.

Установление господства в странах Балканского полуострова рассматривалось основным условием ведения большой европейской войны. Активность германской дипломатии увенчалась присоединением к Тройственному пакту Венгрии, Болгарии, Словакии и Румынии. Чтобы разрушить систему союзов Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе, Германия предпринимала усилия перетянуть на свою сторону Польшу и Югославию. Одновременно это должно было обеспечить ей благоприятные возможности для нападения на Советский Союз.

Эта ранняя стратегическая концепция Гитлера, предусматривавшая нейтрализацию Англии с целью создания условий для разгрома Франции и последующего нападения на Советский Союз, нашла отражение также в рукописи его «Второй книги», написанной в 1928 г., но не изданной по «государственным соображениям» при нацистском режиме. Она была опубликована в ФРГ лишь в 1961 г.⁶

⁵ Цит. по: Hitlers Weisungen für die Kriegerführung 1939–1945. Frankfurt a/M. 1962. S. 103–104.

⁶ Hitlers zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Stuttgart. 1961. S. 163.

Гитлеровское руководство стремилось сыграть на противоречиях между западными державами и Советским Союзом, чтобы углубить разногласия между ними. При благоприятных обстоятельствах оно считало возможным пойти даже на временное сближение с Москвой. В одной из бесед с бывшим бургомистром Данцига Г. Раушнинггом в 1934 г. фюрер так комментировал смысл данной политики: «Вероятно, мне не избежать союза с Россией. Я придержу его в руке как последний козырь. Возможно, это будет решающая игра моей жизни. Ее нельзя преждевременно начинать... Но она никогда не остановит меня от того, чтобы столь же решительно изменить курс и напасть на Россию, как только я достигну целей на Западе. Глупо было бы думать, что мы будем всегда в нашей борьбе идти напролом. Мы будем менять фронты, и не только военные...»⁷

Вопреки расчетам Гитлера и его окружения, ход политических событий показал, что английские правящие круги не собирались отказываться от традиционной политики поддержания равновесия сил в Европе и недопущения гегемонии какой-либо державы на континенте. Они недвусмысленно дали германскому правительству понять, что будут защищать свои интересы на Рейне. Стало очевидно, что экспансия Германии в Европе неизбежно приведет к военному конфликту и с Англией. В донесении от января 1938 г. Риббентроп писал в Берлин: «Англия не хочет иметь по соседству слишком могущественную Германию, которая представляла бы для нее постоянную угрозу. Она будет бороться против этого»⁸. На совещании высшего германского генералитета 23 мая 1939 г. Гитлер констатировал: «Необходимо готовиться к борьбе. Англия видит в нашем развитии опасность возникновения господствующей державы, которая подорвет ее могущество. Поэтому Англия – наш враг, и борьба с ней будет не на жизнь, а на смерть»⁹.

Тем не менее решение о нанесении первого удара в войне на Западе осталось неизменным. Объективные условия, по мнению гитлеровского руководства, не позволяли Германии начинать борьбу с главными противниками на Европейском континенте с нападения на Советский Союз. В войне на Востоке фактор пространства действовал против фактора времени, что противоречило стратегии «блицкрига». Обосновывая принятую нацистским руководством последовательность нанесения решающих ударов, один из ведущих стратегов вермахта генерал Йодль писал: «Война с Россией – это такая война, где знаешь, как начать, но не знаешь, чем она кончится. Россия – это не Югославия и не Франция, где войну можно быстро довести до конца. Пространства России неизмеримы, и нельзя было предположить, что мы можем идти до Владивостока»¹⁰.

⁷ *Rauschning, H. Gespräche mit Hitler.* Zurich. 1940. S. 126.

⁸ International Military Tribunal (IMT), Vol. XXXIX, P. 96–97.

⁹ Ibid. Vol. XXXVI. Doc. 79-L.

¹⁰ Военно-исторический журнал. 1961. № 4. С. 88.

Кроме того, военное руководство Германии полностью отдавало себе отчет в том, что западные державы будут терпеть ее агрессию на Восток, пока она не перерастет в реальную опасность для них самих, за чем следует ожидать их выступления против нее. А это снова грозило вызвать затяжную войну на два фронта. Союзники с Запада могли захватить и парализовать жизненные центры Германии, без которых она не могла продолжать борьбу. «Самая большая и грозная опасность, – указывалось в одной из директив А. Гитлера, – заключается в следующем. Любое успешное ведение войны имеет предпосылкой обеспечение бесперебойной работы Рурской области. Всякое серьезное нарушение там производства не может быть восполнено производством в других районах. И это, рано или поздно, может привести к подрыву немецкой военной экономики и тем самым военной мощи. Поскольку эта слабость известна Англии и Франции так же хорошо, как и нам, англо-французское руководство, если оно захочет уничтожить Германию, попытается любой ценой добиться этой цели»¹¹.

Итак, в поисках решения проблемы поочередного разгрома европейских держав военно-политическое руководство Германии было вынуждено принять ту же общую стратегическую схему войны, которой в свое время придерживался кайзеровский генеральный штаб. Направление первого удара – на Западном или Восточном фронтах – гитлеровское командование выбирало аналогично, считая целесообразным сначала нанести его по Франции, надеясь избежать одновременной борьбы на два фронта. 23 мая 1939 г. А. Гитлер, допуская такую вероятность, заявил на совещании высшего генералитета: «Союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии потребует сначала напасть на Англию и Францию, нанеся им быстрые уничтожающие удары»¹².

Предвоенный политический кризис в Европе

Развязывание большой войны для гитлеровского руководства было делом решенным. Еще в 1936 г. оно установило срок готовности к ней экономики и вооруженных сил Германии – 1939 г. На совещании политических и военных руководителей страны 5 ноября 1937 г. было решено приступить к практическому осуществлению агрессивного курса. В общем и целом концепция была готова, хотя не исключала вызванной обстоятельствами импровизации. Она выглядела следующим образом:

- ликвидация «буферных» стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в целях улучшения стратегических и экономических позиций Германии для борьбы против главных противников на Европейском континенте – СССР и Франции, а также Англии;

¹¹ IMT. Vol. XXXVII. Doc. 052-L. P. 472, 473.

¹² Ibid. Vol. XXXVI. Doc. 79-L.

- нанесение первого удара на Западе с целью разгрома Франции, вывода из войны Англии, занятия всей Западной Европы с целью создания решающих стратегических и экономических предпосылок для сокрушения Советского Союза;
- разгром СССР как важнейшее условие установления полного господства нацистской Германии в Европе и последующей борьбы за мировое господство.

Против планов развязывания войны Гитлера и верхушки германского генералитета выступил начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Л. Бек. В многочисленных аналитических записках политическому руководству он писал, что Германии, намного уступающей в совокупном военном и экономическом потенциале европейским державам, не удастся избежать борьбы на два фронта. Поэтому она потерпит поражение и будет «выдана на милость победителей». Он даже выступил против захвата Чехословакии, считая, что это приведет к европейской войне. Большинство немецкого генералитета не поддержало Л. Бека и его немногочисленных сторонников. Гитлер назвал его «нытиком». В августе 1938 г. Л. Бек вынужден был уйти в отставку¹³.

20 февраля 1938 г. Гитлер заявил с трибуны рейхстага о готовности Германии «взять под защиту» 10 млн немцев, проживавших в Австрии и Чехословакии. Это была открытая заявка на развертывание агрессии в Центральной Европе. 12 марта Германии без труда удалось осуществить аншлюс Австрии, после чего сразу же началась подготовка к захвату Чехословакии. Этому содействовала политика «умиротворения» Англии и Франции. 30 сентября 1938 г. их премьеры – Чемберлен и Даладьё – подписали мюнхенское соглашение с Гитлером и Муссолини. Судетская область отдавалась Германии. Четыре державы брали на себя гарантии неприкосновенности оставшейся части Чехословакии. Но они остались на бумаге. 15 марта 1940 г. вермахт за один день оккупировал остальную часть страны. На очередь встало более крупное «буферное» государство – Польша. 3 апреля 1939 г. был установлен срок готовности к нападению на нее – 1 сентября. Как ни парадоксально, он был точно выдержан.

Экспансия Германии в Центральной Европе не могла не вызвать тревоги среди трезво мыслящих политиков во Франции и Англии, опасавшихся, что она может превратиться в смертельную угрозу для их стран. В знак протеста против политики Чемберлена в отставку подал министр иностранных дел Англии Э. Иден.

В марте 1939 г., вскоре после оккупации Германией Чехословакии, французский посол в Берлине докладывал правительству: «Потребуется ли Германии Гитлера передышка в связи с поднявшейся волной возмущения, которую вызвали ее действия, после того как она в течение года приобрела 18 млн новых подданных, среди них 7 млн инородцев? Или она, ско-

¹³ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе. Т. 1. С. 313–335.

рее всего, продолжит продвижение в восточном направлении, используя достигнутую внезапность и растерянность центральноевропейских государств? Не поддастся ли она искушению повернуть на Запад, чтобы, наконец, сломить сопротивление западных держав, которые ограничивают ее свободу действий на Востоке? Другими словами, не поддастся ли фюрер соблазну возвратиться к идеям, выраженным ранее в его книге «Моя борьба» и, между прочим, полностью совпадающими с классическими принципами германского генерального штаба – империя может выполнить историческую задачу на Востоке лишь после разгрома Франции и вытекающего из него полного подрыва мощи Англии на континенте»¹⁴.

В английских правящих кругах после захвата Германией Чехословакии появились сомнения в правильности курса на поддержку нацистской экспансии против СССР. Генеральный штаб Великобритании очень низко оценивал боеспособность Красной армии после сталинских «чисток» и опасался, что в случае нападения Германии Советский Союз быстро потерпит поражение. Тогда Гитлеру удастся установить безраздельное господство на континенте, и Англии придется трудно.

Между тем советский Генеральный штаб в 30-е годы правильно определил сущность германской стратегии. В 1935 г. маршал М. Тухачевский писал настолько откровенно, насколько ему позволяла занимаемая должность: «Само собою понятно, что империалистические планы Гитлера имеют не только антисоветское острие. Это острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс). Помимо всего прочего, нельзя отрицать и того, что Германии нужна французская руда. Ей необходимо и расширение ее морской базы. Опыт войны 1914–1918 гг. со всей очевидностью показал, что без прочного обладания портами Бельгии и северными портами Франции морское могущество Германии невозможно построить»¹⁵. Конечно, Сталин был информирован об этих оценках Генерального штаба. Они наводили на мысль о возможности использования планов Гитлера для создания «Мюнхена наоборот», что и было им сделано 23 августа 1939 г.

С 1933 г. советская дипломатия активно стремилась создать систему коллективной безопасности против нацистской угрозы. В июне 1933 г. Советский Союз обратился ко всем странам с предложением подписать конвенцию об определении агрессора. В июне 1934 г. Москва выступала за сокращение и ограничение вооружений, принятие мер по предотвращению военных конфликтов, выработку соглашений, гарантирующих безопасность европейских государств. В противовес западной концепции в сентябре 1935 г. министр иностранных дел М. Литвинов провозгласил в Лиге наций лозунг: «Мир неделим!» «Мир, – заявил он, – может быть лишь результатом коллективных усилий и коллективных материальных гарантий».

¹⁴ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Т. 1. С. 384.

¹⁵ Правда. 1935. 31 марта.

Роль советско-германского пакта в судьбах Европы

К несчастью, эта концепция была отвергнута Сталиным. Да и западные державы отнюдь не старались следовать ей. В критический период европейской истории, когда решалась судьба войны или мира, три главных актера на европейской сцене, от которых зависела судьба Европы, – Германия, Россия и англо-французская коалиция – были озабочены тем, как бы перехитрить и обмануть друг друга в развернувшейся между ними борьбе. Вместо трезвой оценки угрозы, исходившей миру от нацистской Германии, и принятия коллективных мер противодействия ей, Сталин и западные державы позволили фюреру ловко обыграть идеологические и политические противоречиями между ними. В результате на свет появился пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом¹⁶. Решение о заключении пакта не было согласовано Сталиным ни с Политбюро, ни с Верховным Советом.

Курс на сближение с Германией был установлен фактически на январском пленуме ЦК ВКП (б) в январе 1939 г. в директивах XVIII съезду партии, состоявшемуся в марте того же года. В отчетном докладе на съезде Сталин заклеил именно Англию и Францию как «поджигателей войны». В ночь с 23 на 24 августа 1939 г., сразу после подписания пакта, в Кремле состоялась беседа Сталина и Молотова с Риббентропом. В официальной немецкой записи этой беседы, в частности, сказано: «Далее господин Молотов поднял бокал за господина Сталина, заметив при этом, что Сталин речью 10 марта с. г., которую хорошо поняли в Германии, положил начало повороту в политических отношениях»¹⁷. Таким образом, утверждения о том, что пакт был для советского руководства вынужденным шагом, что на сделку с Гитлером Сталин пошел в результате срыва Англией и Францией переговоров в Москве в августе 1939 г., не выдерживают критики.

До сегодняшнего времени вокруг этого пакта бушуют полемические страсти. Что принес он Советскому Союзу – зло или добро? Было ли это решение Сталина верным или ошибочным? Какую роль этот пакт сыграл в развитии событий в Европе, когда предвоенный политический кризис приблизился к кульминации? Действительно ли для Советского Союза не было тогда иной альтернативы кроме заключения пакта?

Чтобы пролить свет на эти вопросы, надо обратиться к мотивам Сталина, которыми он тогда руководствовался. Они откровенно изложены им в беседе с секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым 7 сентября 1939 г. вскоре после подписания пакта и начала войны¹⁸ и заключались в следующем:

¹⁶ Об этом подробнее см.: *Дашичев В.* Классовая неадекватность. Что скрывалось за пактом о ненападении между Гитлером и Сталиным. Прошлое будущего // Политический класс. 2008. № 11. *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера. Т. 1. С. 457–513.

¹⁷ ADAP. Serie D. Bd. VII. Dok. 11229. S. 203–207.

¹⁸ *Dimitroff G.* Tagebücher 1933–1943 / Hrsg. V. Bernhard, B. Bayerlein. Berlin. 2000. S. 273–274.

- война ведется между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за мировое господство
- нам выгодно, чтобы они передрались и ослабили друг друга;
- неплохо, если Германия подорвет положение богатейших капиталистических стран, прежде всего Англии;
- Гитлер расшатывает и подрывает, сам того не сознавая и не желая, капиталистическую систему;
- мы можем маневрировать, натравливать одну сторону на другую, чтобы они крепче сцепились в драке друг с другом;
- пакт о ненападении в определенной мере помогает Германии;
- разделение капиталистических стран на фашистские и демократические утратило прежний смысл;
- польское государство ныне стало фашистским, угнетающим украинцев и белорусов. С его уничтожением станет одним буржуазным фашистским государством меньше;
- что плохого в том, что в результате разгрома Польши мы расширим социалистическую систему на новые территории и народы?

Эти мотивы Сталина были в корне порочны. В трагический период европейской истории, когда нужно было сделать все возможное для предотвращения войны, консолидации демократических антифашистских сил в их противостоянии военной угрозе, Сталин помышлял о том, как бы столкнуть Германию с Англией и Францией и извлечь из этого «классовые выгоды». Идеологическая зашоренность мешала ему правильно оценить сложившиеся реалии, дальнейшее их развитие и отражение на Советском Союзе. Ему вообще была свойственна неспособность предвидеть последствия собственных действий и решений на перспективу.

Взаимное «ненападение», составлявшее существо пакта, означало, что нацистскому руководству предоставлялась свобода рук в войне против Франции и Англии и что оно могло не беспокоиться за свой тыл на Востоке со стороны Советского Союза. Сталин рассчитывал, что немецкие войска на длительное время завязнут в боях на линии Мажино, как в битве на Марне в Первую мировую войну, будут обескровлены и тем самым мощь Франции и Германии будет подорвана. Когда же вермахт обошел через Бельгию и Голландию линию Мажино и устремился к Парижу, Сталин был повергнут в шок¹⁹. Он понял, что все его расчеты рухнули.

Разгромив Францию, верховное главнокомандование Германии начало с июля 1940 г. стратегическую разработку операции «Барбаросса» – войны против СССР. Это не сулило советскому народу ничего хорошего. После сталинских чисток, в результате которых Красная Армия лишилась цвета командного состава, ее боеспособность была на очень низком уровне. Как говорится: «Не рой другому яму. Сам в нее попадешь». Так, заключение

¹⁹ *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера. Т. 1. С. 12.

пакта стало громадной победой нацистской дипломатии и одновременно большим ущербом национальным интересам Советского Союза и остальных стран Европы.

Уроки предвоенного политического кризиса

Развитие военно-политических событий в Европе в 1938–1939 гг., принявших кризисный характер и приведших ко Второй мировой войне, позволяет сделать некоторые поучительные выводы.

Во-первых, несмотря на то, что основная ответственность за развязывание войны лежит на гитлеровской Германии, в скатывании к ней в большей мере повинны правительства всех ведущих держав континента, в том числе сталинское руководство²⁰.

Во-вторых, причиной войны всегда служила и служит политика глобального (или регионального) господства. Она выступает самым деструктивным и опасным фактором международных отношений. Это можно отчетливо видеть на примере идеологии, политической и военной доктрины нацистской Германии.

В-третьих, политика господства над народами может иметь временный успех, если ей не противопоставлен объединенный фронт стран, национальным интересам и существованию которых она угрожает. Разобщенность сил, призванных противостоять этой политике, позволяет экспансивной державе, добиваясь своих целей, развязать войну.

В-четвертых, действиями на международной арене экспансивная держава создает обстановку предвоенного политического кризиса, который, как правило, заканчивается всеобщей войной.

²⁰ Удивительно, но Парламентская Ассамблея Европы в недавно принятой резолюции представила виновниками войны только Гитлера и Сталина, возглавлявших «тоталитарные системы» Германии и Советского Союза. Совершенно антиисторичная и антинаучная трактовка событий тех лет! Таково следствие информационной войны, ведущейся США и их европейскими союзниками против России с целью опорочить ее как наследницу СССР и вызвать недобрые чувства, подозрительное и даже недружественное отношение к ней в массовом восприятии западной общественности. В то же время резолюция умалчивает, что в развязывании войны на Европейском континенте были очень заинтересованы США и Англия. Для них было важно до предела ослабить в войне две самые могущественные державы Европы – Германию и Советский Союз. Известно, что политики США и Англии делали ставку на Гитлера. Крупные американские и английские банкирские дома не жалели денег на его финансирование. К тому же резолюция неправомерно ставит знак равенства между Гитлером и Сталиным. Они представляли разные социально-политические полюса, хотя и в очень искаженном виде. Мудрая немецкая публицистка графиня М. Денхофф писала в связи с этим: «Наша эпоха не имеет никаких духовных предпосылок. Были одни идеологии, к тому же их еще и извратили: консервативную – Гитлер, доведший все ценности правых до абсурда, а идеологию левых – брутализация социализма Сталиным. В результате осталась одна рыночная идеология» (цит. по: М.Г. Дёнхофф. Границы свободы. М.: Междунар. отношения. 1989. С. 47). Вот здравая оценка личностей двух диктаторов.

Характерными признаками предвоенного политического кризиса служат:

- решимость экспансивной державы установить глобальное или региональное господство;
- проведение ею локальных войн с целью расширения военно-стратегических и экономических позиций;
- ее неукротимое стремление установить военное превосходство на глобальном или региональном уровне над потенциальными противниками путем массивной гонки вооружений;
- политика дестабилизации и разобщения противостоящих ей сил;
- создание из зависимых и покоренных стран коалиции, служащей интересам экспансивной державы.

Никогда еще политика господства не приносила окончательного успеха, но обязательно заканчивалась поражением ее носителя. Об этом свидетельствует исторический опыт со времен Наполеона.

Для европейского развития характерны прежде всего противоречия, соперничество и военные конфликты в треугольнике Франция – Германия – Россия. Это происходит с XIX в.: Германия и Россия против Франции в 1870 г., Россия и Франция против Германии в 1914–1918 гг., Германия и Россия против Германии в 1939–1941 гг., Россия и Франция против Германии в 1941–1945 гг., ФРГ и Франция против России в 1945–1990–2009 гг.

Англия постоянно стремилась выступать против сильнейшей державы на Европейском континенте. От европейского раскола и вражды очень сильно выигрывали США. В результате они стали в конце XX в. господствующей державой в Европе. Возникает вопрос: может ли этот порочный антагонизм в европейском треугольнике Франция – Германия – Россия в конце концов быть разрушен и заменен их сотрудничеством в интересах всей Европы? Это послужило бы сохранению мира не только на Европейском континенте, но и во всем мире. Ведь надо понять, что интересы неевропейской державы США и стран Европы расходятся.

Впрочем, это ни в коем случае не означает, что отношения между США и европейскими странами не могут быть преобразованы на основе тесного партнерства, плодотворного сотрудничества, взаимного уважения. Органический характер этим отношениям может придать только преодоление Соединенными Штатами синдрома господства. Он мешает европейцам нормально жить. Прав был бывший канцлер ФРГ Г. Шмидт, написавший в своей книге «Державы будущего»: «Мы не можем превратиться в дегенератов, угодливо поддакивающих американскому империализму»²¹. Весь опыт развития Европы в XX, а также в XXI в. подтверждает, что господство какой-либо державы не способно утвердиться на европейской земле.

²¹ Schmidt H. Die Mächte der Zukunft. Gewinner und Verlierer in der Welt von morgen. München. 2004. S. 238–239.